

Андрей Львович Ливадный

Транспорт до Везелвула

Аннотация

3771 год.

Корпоративная Окраина, живущая по своим законам, на протяжении сотен лет являлась пространством, подчинённым власти денег. Однако всему когда-то приходит конец. Закон «О правах разумных существ» приходит сюда вместе со сменой колониальной администрации. Однако корпорации Окраины не собираются сдавать свои позиции без боя, тем более, когда речь идёт о сверхприбылях, получаемых от добычи синтетического наркотика, образующегося на токсичной свалке отходов, в которую превращена планета Везелвул.

Пролог

*13 апреля 3971 года по
Галактическому календарю*

*Ежемесячное обозрение «Все
миры»:*

«Как уже неоднократно упоминалось в наших публикациях, Корпоративную Окраину, которая долгое время являлась „не подконтрольной никаким законам территории“, в последние два месяца потрясла целая цепь скандалов. Это напрямую связано с изменением политики Аллора в отношении территорий, находящихся под юрисдикцией колониальной администрации

Как заявил пресс-секретарь

администрации, решений Совета Безопасности миров никто не отменял и „Договор о правах разумных существ“, подписанный Аллором в 3723 году, продолжает действовать, распространяя свое влияние на территории всех планет

Созданная при колониальной администрации Аллора специальная комиссия начнет свою работу с облета всех освоенных планет сектора, после чего объединенный парламент Окраины, заслушав доклад комиссии, будет принимать соответственные решения относительно статуса некоторых территорий, которые в данный момент находятся под негласным контролем десятка наиболее мощных

промышленных корпораций
Окраинных миров

Пока еще рано судить, к чему приведет подобный шаг колониальной администрации. Будет ли это успешной попыткой реанимации закона „О правах разумных существ“ на огромной территории дикого, едва освоенного космоса, или данная попытка приведет к новой вспышке гражданских и корпоративных войн в секторе, покажет действительное развитие событий в ближайшем будущем...»

*(Из обзорной статьи
третьего номера
ежемесячного обзора
«Все миры» от 13 апреля
3971 года).*

**30 апреля 3971 года по
Галактическому календарю.
Окраина... Система звезды Онтарио,
планета Омикрон-9. Комплекс зданий
центрального офиса корпорации
«Генезис»**

Два человека неторопливо шли по аллее искусственного сада, разбитого под стеклянным куполом на плоской крыше одного из небоскребов.

Старшему на вид можно было дать лет шестьдесят — семьдесят, но спортивное сложение и одежда чуть скрадывали возраст. Старик шел, заложив руки за спину и глядя себе под ноги. Двигался он неторопливо, словно бы экономя силы на каждом движении. Седые волосы чуть трепал ветер, который изредка врывался в аллею, пропускаемый под купол через специальные отверстия. Эти дуновения

уносили пряный запах искусственных джунглей, слегка волнуя листву экзотических деревьев и наполняя аллею тихим вкрадчивым шорохом.

Шагавший рядом со стариком молодой человек лет двадцати пяти имел с ним явное фамильное сходство. Его руки, точно так же сцепленные за спиной, сжимали небольшой продолговатый корпус мобильного коммуникатора дальней связи.

Его одежда резко диссонировала с неброским костюмом собеседника — дорогая, весьма элегантная тройка из темного материала, которая очень хорошо сидела на его стройной, подтянутой фигуре, должно быть, стоила целое состояние. На мысль об этом наводили запонки из тусклого коричневатого металла и подобранные в тон им часы с массивным браслетом. Если предположить, что металл на

часах и запонках не был подделкой, то молодой человек носил на себе уже не одно, а целых два состояния.

Они негромко беседовали, причем говорил в основном молодой, а старик лишь кивал, внимательно слушая и изредка вставляя свои замечания.

Вслед за ними под сенью образующих аллею деревьев двигался еще один участник этой сцены.

Он был одет намного скромнее и старался держаться на почтительном расстоянии от прогуливающейся по аллее пары, в то же время ни на миг не выпуская их из поля зрения. Он двигался бесшумно, словно призрак. Его правая рука, на которой в дань моде красовалось несколько массивных ювелирных изделий, лежала на рукояти автоматического импульсного пистолета. На запястье левой был укреплен миниатюрный детектор

движения, на который он бросал беглые взгляды.

Этот, третий, участник событий был очень высоко оплачиваемым телохранителем, и, по сути, ему не следовало обращать внимание на разговор двух самых значимых и влиятельных людей системы Онтарио, но так уж случилось, что акустика помещения, в котором раскинулся этот дивный сад, доносила до его слуха многое из того, о чем неторопливо беседовали нынешний глава корпорации «Генезис» и его наследник.

А говорили они о вещах более чем любопытных.

— Значит, ты решил, что существует угроза нашему производству? — Роберт Итем остановился на перекрестке аллеи и повернулся к сыну, который почтительно, но без всякого намека на подобострастие остановился

возле него, внимательно склонив голову, чтобы хорошо слышать сиплый голос отца.

— У нас возникло несколько серьезных проблем, отец, — ответил он. — Золотые времена полной анархии постепенно начинают отходить в прошлое, и мне приходится пересматривать политику компании относительно многих ключевых вопросов, — спокойно доложил он. — В данном случае это связано с известными тебе трудностями. Добыча редких элементов из радиоактивных отходов и прочей высокотоксичной концентрированной дряни — это весьма прибыльное, но ужасно нетехнологичное производство. Ну а когда начинают вмешиваться разного рода некоммерческие ведомства, ситуация перестает быть таковой, — не скрывая своего раздражения и

озабоченности, заключил он.

— Речь идет о Везелвуле,¹ насколько я понял? — спросил Роберт Итем, возобновляя свое неторопливое продвижение по аллее.

— Да, отец, — подтвердил его догадку Эрик. — В этом, как и в прошлом, году наблюдается устойчивая тенденция к снижению прибыли, а в последние месяцы положение стало просто недопустимым.

— А в чем дело? — неожиданно резко спросил старый Итем, остановившись. — Разве ты не используешь бесплатную рабочую силу заключенных колониальной тюрьмы? По-моему, это делает производство вполне рентабельным!

— Да, но лоббирование наших интересов в колониальной администрации с каждым годом

¹ Везелвул — искаженное Вельзевул, глава демонов в западноевропейской мифологии (прим. авт.)

становится все дороже, ты же знаешь, — разведя руками, спокойно возразил его сын. — Идея с колониальной тюрьмой была гениальна полвека назад, когда ты начинал разработку Везелвула, но теперь это уже не оправдывает тех расходов, что мы несем на содержание чиновников, защищающих наши интересы на Аллоре. Ты уже в курсе, что они затевают тотальную проверку всех планетных систем?

— Да, мне докладывали об этом.

— Везелвул-12 числится в рабочем списке комиссии.

— И что ты предлагаешь? — прищурившись, спросил старый глава корпорации. — Раз ты затеял этот разговор, значит, у тебя уже есть какие-то мысли?

— Да, отец, — охотно подтвердил Эрик. — Меня больше не устраивает

балансирование на грани фола, — пояснил он, вновь сцепив руки за спиной, как это постоянно делал отец. — Все эти экологи, экзобиологи и прочая братия из департамента внешних поселений, которых ты в свое время допустил на планету, год от года становятся все наглее и настойчивее в своих требованиях, — не скрывая своего гадливого отношения к перечисленным категориям людей, раздраженно сообщил он. — Это наносит существенный вред — мы не можем делать крупных капиталовложений для открытия новых производств и модернизации старых, потому что они грозят приостановить действие лицензии на разработку токсичных свалок в том случае, если прекратится финансирование их работ по изучению и преобразованию Везелвула.

— Печально... — усмехнулся старый Итем. — Скажи, а разве им нельзя заплатить?

— Нет... — покачал головой Эрик. — Я бы не стал этого делать.

— Из принципа?

— По многим соображениям. Есть гораздо более радикальные способы решения данной проблемы, которые к тому же гарантируют стопроцентный успех.

— Неужели? — Старик покачал головой, с долей сомнения взглянув на сына, которым исподволь любовался. — Я думал, что моя идея с колониальной тюрьмой и прикармливанием всех этих лоботрясов из администрации колоний — самый верный путь к цели, — высказал он свою мысль.

— Сожалею, отец, — вздохнул молодой человек, — но это уже

вчерашний день. Расчеты показывают, что от тотальной автоматизированной разработки Везелвула мы получим астрономическую прибыль.

— А ты хорошо подумал? — вновь нахмурился отец. — Моя политика привела к тому, что «Генезис» выглядит наиболее «чистым» на фоне иных корпораций. Почитай прессу, сынок, и ты увидишь, что нас называют чуть ли не гарантом мира на Окраине. Мы создали неплохую рекламу колониальным властям, вкладывая деньги в расчистку территорий и преобразование атмосферы Везелвула.

— Все это политические дивиденды, отец, — возразил Эрик — Надеюсь, ты не собираешься баллотироваться в президенты Аллора?

— Нет, — покачал головой старый Итем. — Не собираюсь.

— Времена меняются, отец, — вновь

настойчиво повторил Эрик. — И все прошлые заслуги «Генезиса» могут обернуться громким скандалом, если кто-то узнает об истинном положении дел. Ну хотя бы о том, что на планетоиде четыре сотни лет существует жизнь, которую, согласно законам, уже можно назвать «исконной». Раньше этим просто не интересовались, а теперь все может рухнуть в один день только из-за того, что кто-то на Аллоре вспомнил про мифический договор многовековой давности.

— Да, скверно... — согласился отец, что-то обдумывая. — Но ведь ты понимаешь, что мы не можем свернуть производство и уйти с Везелвула по одной причине...

— Ты имеешь в виду разработку сетрония?

— Именно. Пока все убеждены, что

его возможно получить лишь в лабораторных условиях. Или это уже не так?

— Все так, отец. Экспорт сетрония и других элементов «третьей группы», это тот столп, на котором покоится «Генезис». После того как наши войска раздавили «Индо-системз», у нас не осталось никаких конкурентов. Поэтому я считаю, что нельзя раздавать взятки, — при этих словах во взгляде молодого Итема промелькнуло что-то столь жесткое и холодное, что эта внезапная искра ненависти заставила мысленно поежиться даже его отца... — Это не решит проблему, — пояснил Эрик. — Нужно принять радикальное решение.

— Какое? — старый Итем знал своего сына и был уверен, что решение уже есть, иначе тот бы не затеял этого разговора.

— Я считаю, что солнцу Везелвула пора погаснуть... — спокойно сообщил Эрик.

Бровь Роберта Итема удивленно поползла вверх.

— Вот как? И что это даст?

— Очень многое. Мы потерпим месячные убытки, но зато в ближайшем будущем все права на Везелвул полностью отойдут «Генезису», — это просчитано и уже практически организовано.

Глава корпорации вновь задумался, но на этот раз пауза оказалась дольше, чем прошлая.

Старый волк, которому на своем веку пришлось сожрать не одно конкурирующее предприятие или неугодный департамент, сразу ухватил суть сказанного. Мысленно он уже аплодировал сыну за столь изящное решение проблемы.

Конечно, ему было жаль той системы, что вот уже пятьдесят лет исправно функционировала на Везелвуле, но, может быть, его сын прав, и времена изменились?

«Крепкая у них хватка... — невольно подумал старый Итем. — Они жестокие... и умные».

— Да... планета без солнца не понадобится никому, ни колониальной администрации, ни Аллору, ни экологам с их бредовыми идеями планетарной инженерии, — старый Итем усмехнулся собственным мыслям.

Эрик удовлетворенно кивнул. Он знал, что отцу придется по душе такая идея, но он слишком боялся и уважал Старика, чтобы действовать без его ведома.

— По расчетам, полное разрушение атмосферы произойдет в течение двух недель, — сообщил он. — Как раз к

прилету комиссии по колониям там не будет ничего, кроме льда и вакуума. В памяти поколений «Генезис» останется той единственной фирмой, что боролась за преобразование Везелвула, но обстоятельства оказались выше всех усилий, — произнеся это, Эрик усмехнулся и взглянул на отца. — Нет трупа, нет и проблемы. Комиссия посмотрит на мертвый кусок обледеневшего радиоактивного камня и поймет, что тут уж ей делать абсолютно нечего. Ну а технологии безатмосферной разработки позволят нам восстановить производство и повысить уровень добычи в десятки раз, но уже не будет никаких экологических или нравственных проблем.

— А как быть с тюрьмой? — поинтересовался старый Итем

— Отец, искусственное солнце

Везелвула функционирует уже добрые четыреста лет без должного присмотра и обслуживания, — ненавязчиво напомнил ему Эрик. — Ты же сам прекрасно знаешь историю этой космической помойки. Пора бы произойти сбою или катастрофе. Разве нас можно будет обвинить в этом? По-моему, контроль за искусственной звездой не входит ни в какие договорные обязательства.

Роберт Итем остановился, погрузившись в созерцание небольшого водопада.

Его сын был прав. Эти чинуши из департамента внешних поселений совсем зажрались. Стоит поставить их на место. Ну а что касается людей... Пара экологических экспедиций, персонал тюрьмы да заключенные — невелика потеря в пересчете на вероятную прибыль от безатмосферной

разработки Везелвула при помощи современных автоматических средств. А колониальная администрация, после того как планета превратится в замерзший кусок камня, будет по пятам бегать за тем, кто захочет купить исключительные права на такое гиблое и бесперспективное место. Ремонт звезды они явно не потянут, на это не хватит никаких бюджетов... Да и было бы из-за чего, поморщился Итем, правильно подметил Эрик, — космическая помойка, и этим все сказано. Умный мальчик. А главное — жесткий в бизнесе, без лишних сантиментов и комплексов. Никто ведь не знает, что там, в этих самых болотах, образуется сетроний, один грамм которого стоит бешеных денег, подумал он и, подняв взгляд на сына, одобрительно кивнул:

— Действуй. Я надеюсь, что у тебя

все продумано?

— До мелочей, отец. Мой человек на Везелвуле уже ждет соответствующего приказа.

— Надежный?

— Могила... — криво усмехнулся Эрик. — Шер, подойди к нам! — обратился он к экзотическим зарослям, раскинувшимся по обе стороны аллеи.

Спустя несколько секунд оттуда беззвучно вынырнул высокий человек с крупными, броскими чертами лица.

— Это мой телохранитель и доверенное лицо для особо важных поручений, — представил его Эрик. Дождавшись, пока отец удовлетворенно кивнул, он похлопал Шера по плечу и доверительно сказал: — Я слышал, ты приобрел «Нову», Шер?

На бесстрастном лице телохранителя промелькнула тень беспокойства.

Несмотря на самообладание, он заметно напрягся.

— Не хочешь «обкатать» покупку? — Тон Эрика из доверительного стал жестким и холодным. — Нужно провернуть небольшое дело. Слетаешь на один богом и людьми забытый мирок. Там найдешь указанного мной человека и заставишь его произвести определенные операции. Подробные инструкции получишь отдельно. Главное, убрать исполнителя и мигом исчезнуть оттуда, понял?

Заметив, что в глазах Шера промелькнуло откровенное недоумение, он рассмеялся и пояснил, вновь похлопав того по плечу:

— Там произойдет катастрофа, Шер. Большая, печальная, непоправимая катастрофа...

Часть первая.

Нежить

Глава 1

Снег был ослепительно белым, искрящимся в свете прожекторов, а следы на нем — неестественно красными, броскими, неуместными...

По плитам космопорта пронзительный ветер стлал жгучую поземку. Тощий пес, с впалыми боками и обрывком цепи на шее, жадно лизал запятнанный кровью снег, боязливо косясь в сторону опрокинутой набок треноги тяжелого импульсного орудия.

Из распахнутых ворот складских терминалов доносился тихий заунывный вой...

Бьющие с вышек прожектора освещали занесенные снегом пустующие квадраты стартопосадочных полей, а выбитые

окна складских помещений хищно скалились острыми зазубринами прозрачного пластика.

Собака, свалявшаяся шерсть которой уже не могла скрыть выпирающие наружу ребра, вдруг бросила лизать окровавленный снег, подняла голову, устремив во тьму полный отчаяния взгляд, и тихо зарычала. При этом ее верхняя губа злобно вздернулась, обнажив желтые резцы.

Из темноты приближалось Нечто.

Внешне это был человек, но пса не могла обмануть ни одежда, ни бледное, словно пятно снега, лицо. Пес зарычал еще громче, инстинктивно отпрянув из освещенного прожекторами круга.

ОНО не пахло человеком. ОНО было другим.

Примитивный мозг животного воспринимал это как очевидный факт. Под холодной, чуть синеватой от

мороза кожей скрывалось что-то противоестественное, и пес ощущал это каждой клеточкой своего тощего тела...

Гуманоид, не обращая внимания на собаку, которая продолжала пятиться в темноту, вошел в круг яркого света. Он был высок, но сложен нескладно. Яйцеобразный, лишенный волос череп блестел в холодном свете, и снежинки не таяли на нем. Кожа существа казалась холодной, такой же холодной и голубоватой, как хрустящий под подошвами ботинок свежий наст.

Задрав голову, он посмотрел на гроздь прожекторов, потом опустил взгляд, равнодушно скользнув им по заиндевевшим телам возле перевернутого импульсного орудия, и пошел дальше, в сторону открытых ворот грузового терминала.

Пес, затаившийся во тьме, не выдержал и завыл.

Он являлся одним из последних живых существ, оставшихся на планете, и чувствовал, как холодный ветер выдувает остатки жизни из его отощавшего тела. Если бы он мог, то кинулся бы вслед за существом, чтобы вонзить свои клыки в его холодную голубую плоть, но подсознательный ужас оказался сильнее.

Он мог только выть — от бессилия, от холода и леденящего, непонятного его мозгу, ирреального страха.

* * *

Снег все шел и шел, потом он прекратился, словно в небесах истощились запасы колючих снежинок.

Давно прошли все мыслимые сроки, а рассвет не наступал. Холод проникал все глубже, сковывая землю; деревья, зеленая листва которых была покрыта

шапками снега, клонили вниз
отягченные ветви. Вокруг царила
глубочайшая тишина. Злой ветер,
несколько суток дувший без перерыва,
наконец унялся.

Одними из немногих звуков, что
нарушали немой покой замерзающего
планетоида, были сухое потрескивание
и тихий звон, когда очередная ветвь
какого-либо дерева, не выдержав
тяжести снежных шапок, вдруг
ломалась и падала на застывшую
землю, разлетаясь вдребезги, будто
была сделана из стекла.

Среди этой необыкновенной тишины
жили еще и иные звуки, но они
раздавались очень далеко от тех земель,
что культивировали и освоили люди.

За бетонными дорожками,
квадратами зданий и куполами ангаров,
за стройными лесопосадками
начиналось пространство, куда люди

приходили лишь по принуждению. Здесь никогда не росли деревья. Огромные площади занимала бугристая равнина, испятнанная кляксами бездонных топей. Покрытая бурой плесенью поверхность пузырилась зловонными испарениями, над участками изменчивой, зыбкой почвы то и дело вспыхивали блуждающие огни; иногда свечение становилось столь ярким, что походило на беснующееся у самой земли полярное сияние.

Тут, среди гибельных для всего живого топей, располагались конусные башни атмосферных процессоров. Сейчас они нутужно ревели, пытаясь пополнить запасы исчезающего воздуха. На эфирных частотах от башни к башне, от компьютера к компьютеру неслись зловещие сигналы тревоги.

Никто не слышал их. Отвечать на призывы компьютеров было некому... Лишь смутные уродливые тени изредка появлялись в окрестностях перегруженных атмосферных процессоров, оглашая странную равнину тоскливыми, жуткими воплями...

Впрочем, среди этих проявлений явной нежити, там, где в зловонных топях возвышалась старая насыпь, на которой кое-где еще сохранились остатки давно заброшенной дороги, присутствовал намек на нечто человеческое и обитаемое.

То были серые утилитарные постройки давно законсервированного за ненужностью форта, вот уже несколько столетий не посещаемого никем, кроме голубокожих жителей отравленных болот.

И тем не менее там присутствовала

жизнь.

На плоской крыше одного из зданий громоздились установленные тут совсем недавно антенны, по своей конструкции схожие с теми, что монтировались на станциях Гиперсферной Частоты, предназначенных для глубокой межзвездной связи. Разница была лишь в том, что конструкции являлись самодельными и очень маломощными.

В данный момент они работали. Тихо гудели установленные прямо на крыше генераторы низкочастотных полей, выкачивая драгоценные, невозполнимые эрги из систем обогрева нескольких обитаемых зданий.

Конечно, этого было недостаточно, чтобы послать полноценный межзвездный сигнал, но комплекс продолжал работать, и его голос,

устремленный вверх в виде способных
проникнуть сквозь метрику
трехмерного пространства волн,
походил на едва слышный шепот
умирающего:

«ВСЕМ, КТО НАС
СЛЫШИТ. ГОВОРИТ
КОЛОНИЯ ВЕЗЕЛВУЛА. SOS!
SOS! SOS!...»

Последняя аббревиатура повторялась
до тех пор, пока в системе
передающего устройства оставалась
энергия.

Весь парадокс заключался в том, что
официальное поселение колонии на
Везелвуле находилось в пятидесяти
километрах южнее, и именно оно
должно было послать подобный сигнал,
но передатчики космопорта молчали.

Потом умолк и этот, исходящий со

стороны болот шепот.

Прошло еще несколько суток, и атмосфера вновь помутнела. На безмолвную землю, на мертвые дома, пустой космопорт, зеленовато-белые леса и бескрайние, пузырящиеся ядовитыми испарениями топи неосвоенных пространств, начали беззвучно падать большие хлопья замерзшего воздуха.

Это был последний снегопад. Атмосфера замерзала, падая на планету неправдоподобно большими, чуть голубоватыми хлопьями кислородного снега.

Они, как саван, укрывали следы внезапно застывшей цивилизации.

В полной темноте продолжали жить лишь два источника света, расположенные в окрестностях самого крупного поселения планеты.

Одним из них был пустой космопорт,

а другим — мрачное здание колониальной тюрьмы для особо опасных преступников.

По иронии судьбы именно эти два сооружения имели собственные, автономные источники энергии.

12 мая 3971 года по Галактическому календарю. Система Везелвул-12. Здание колониальной тюрьмы строгого режима

Первым его ощущением был холод.

Дикий, пробирающий до самых костей холод, от которого хотелось кричать. Однако тело, туго спеленатое жгутами проводов, идущих от десятков облепивших кожу датчиков систем жизнеобеспечения, не могло даже пошевелиться. Для человека, только что очнувшегося в собственной низкотемпературной могиле, эти

провода и шланги являлись непомерным, обременительным грузом.

Разлепить веки — и то был тяжкий труд.

Рефлекторная дрожь ресниц привела лишь к тому, что, кроме холода, до пробуждающегося сознания дошел тусклый желтый свет.

Это еще нельзя было назвать жизнью. Заторможенная попытка что-то вспомнить или хотя бы понять — где он, что с ним, почему так холодно и откуда идет эта изматывающая дрожь, — то был первый проблеск пробудившегося сознания.

Внутри цилиндрической камеры криогенного сна тихо и монотонно вздыхали насосы. Какие-то жидкости нездорового желтого цвета мерными толчками двигались по прозрачным трубкам. Слоистым туманом плавали пласты пробуждающего газа...

Память возвращалась очень медленно и не несла в себе ничего утешительного...

Николай фон Риттер приходил в себя.

Он был заключенным.

Приговор суда — вечное поселение. К его услугам — любая из сонма адских планет, где такие, как он, гибнут сотнями.

Жестокая реальность Корпоративной Окраины. Тут человеческая жизнь стоила во сто крат дешевле, чем иная из бытовых машин...

Реанимация памяти продолжалась. Это был медленный, болезненный, но необратимый процесс.

Он уже вспомнил свое имя, и если бы его покрытое смертельной бледностью лицо оказалось способно к мимике, то он бы усмехнулся — криво и невесело, как делал это его прапрадед, фамилию

которого носил Николай. Гуманность цивилизованных законов была лишь фарсом, испокон веков призванным заткнуть глотку крикливым борцам за права человека. У понятия «смертная казнь» всегда находилось достаточное количество более благозвучных аналогов. Например, «вечное поселение». Обслуживание станций переработки атмосферы, особенно там, где исходный продукт — чистый яд, — это удел для роботов и заключенных. Нечто более гуманное, чем электрический стул, газовая камера или публичная аннигиляция.

Бежать с таких миров невозможно, а выжить там больше года — тем более.

Отчего же так холодно?..

Ответ был прост: его размораживали. Выводили из состояния низкотемпературного сна, в котором он пребывал с того момента, как был

оглашен приговор суда.

Значит, корабль уже разгрузился и улетел...

Николай фон Риттер не догадывался, что просто оказался брошен на лишившейся своей звезды, замерзающей планете, и к жизни его вернули отнюдь не человеческие руки.

Те странные трехпалые конечности, что несколько часов назад побудили к действию автоматику одного из криогенных залов тюрьмы, можно было назвать «руками» лишь с очень большой натяжкой.

Теперь обладатель этих самых трехпалых рук сидел подле освещенного колпака криогенной камеры и, слегка покачиваясь из стороны в сторону, терпеливо ждал, пока очнется заключенное внутри существо.

Он очень сильно хотел есть.

* * *

Криогенный зал колониальной тюрьмы представлял собой абсолютно утилитарное, функциональное помещение, донельзя набитое аппаратурой и напрочь лишённое каких-либо удобств.

Цилиндрические камеры сверхглубокого сна, установленные тесными рядами, создавали ощущение узости пространства, хотя само помещение отличалось огромными размерами.

Тот факт, что внутренние системы тюрьмы все еще функционировали, объяснялся достаточно просто — низкотемпературные усыпальницы, в которых транспортировались преступники, являли собой продукт высоких технологий, — они были

очень надежны, работали без вмешательства человека, не создавая никаких проблем.

...В тиши криогенного зала тонко пропел предупреждающий зуммер.

За окнами царила гробовая тишина. Голубые хлопья кислородного снега продолжали медленно падать с чернеющих небес. Атмосферное давление уменьшалось, и прочные пластиковые рамы окон тюрьмы угрожающе потрескивали. По зданию гуляли пронзительные сквозняки — воздух находил для себя лазейки, чтобы просачиваться наружу, туда, где была область низкого давления. Пройдет еще какое-то время, и атмосфера в здании станет такой же разреженной, как и на улице.

...Николай еще не знал, как сильно ему повезло. Процесс пробуждения, спровоцированный грубым

прикосновением трехпалых рук к нежной сенсорной клавиатуре его камеры, был начат вовремя. У него, в отличие от других заключенных, еще оставалось немного времени, чтобы очнуться, прежде чем воздух и тепло окончательно покинут мрачное тюремное здание.

Однако в тот самый момент Николая не волновало ни собственное «везение», ни та катастрофа, что постигла небольшой, затерянный в пространстве Окраины планетоид. Он едва мог найти в себе силы, чтобы лежать, содрогаясь от холода, и мучительно, по крупицам, собирать собственное сознание.

Он ничего не видел вокруг себя — лишь мутный, пробивающийся сквозь тошнотворные вихри газа желтоватый свет. Никаких посторонних звуков — только посапывание насосов да

монотонная капель срывающегося с внутренней поверхности колпака конденсата.

Он ждал резкого чавкающего звука открывающейся камеры, злобных окриков конвоя, натужного присвиста сервоприводов охранных машин, недовольного гомона и стонов заключенных из соседних камер, но вместо этого его продолжала обволакивать тишина — тяжкая, как посмертный саван.

Наконец, не выдержав муки затянувшегося ожидания, он пошевелился, ощутив, как от слабого движения натянулась часть оплетающих его тело проводов.

Холод уже стал невыносимым.

Николай почувствовал, как беспокойство и томительное ожидание вдруг сменил липкий страх. Почему его не вытащат отсюда?!

Через минуту, показавшейся ему вечностью, на смену страху пришла злоба. Он понимал: после приговора суда его жизнь уже не стоила ничего. Де-юре — Николай фон Риттер оставался гражданином планеты Ганио, со всеми вытекающими отсюда правами, но де-факто — он стал никем. О нем могли позабыть, и то, что один из заключенных, пробудившись, просто скончается в своем криогенном гробу из-за какой-нибудь технической накладки или простой человеческой халатности, уже не волновало никого. Часть заключенных была заранее списана в процент неизбежных потерь при транспортировке.

Он не надеялся, что может шевелиться. Тело казалось куском льда, который наполняла боль. Колпак криогенной камеры, мутный пластик которого виднелся за тошнотворной

дымкой пробуждающего газа, походил на добротную крышку гроба.

Николай попытался поднять руку.

Он точно знал, что криогенные камеры, модифицированные для транспортировки заключенных, открывались исключительно снаружи. Но он и не думал, что ему удастся открыть или разбить колпак. Он хотел лишь подать знак, что жив.

От слабого движения что-то неприятно хрустнуло под самым ухом. Николай зажмурился и стал дергаться всем телом, несмотря на боль, тошноту и ощущение ледяного озноба.

Его решимости и сил хватило секунд на десять, не больше. Сознание вдруг помутилось, и он затих, погружаясь в боль и чувствуя, как по обнаженному телу сбегает капли какой-то жидкости.

* * *

Существо, сидящее рядом с освещенным колпаком криогенной камеры, заметило слабое движение и приподнялось, опираясь на две мощные лапы, покрытые складками серой морщинистой кожи.

С большим трудом в неуклюжей полутораметровой фигуре можно было выделить общие для гуманоидных рас черты.

Возможно, что когда-то это был человек, хотя допустить подобную «катастрофу тела» мог разве что пьяный генетик или скульптор музея восковых фигур. Короткие кривые ноги, слишком развитые руки с тремя пальцами, тусклый взгляд глубоко запавших глаз, рот, щерящийся в вечной недоброй усмешке, — все это создавало образ, далекий от человеческого, — так мог выглядеть

мутант в энном поколении, но никак не представитель Homo Sapiens.

Впрочем, возможно, что так оно и было. По крайней мере, в тусклом взгляде желтоватых глаз не было ничего осмысленного, только дикий голод. Существо проковыляло несколько шагов и яростно поскребло когтями прочный пластик. Затем, заскулив, отступило назад. Ему было холодно.

Мясо под колпаком по-прежнему ворочалось, но оно было недостижимым... Пока...

Усевшись у пульта, который весело перемигивался огнями, существо приготовилось ждать.

* * *

Под колпаком низкотемпературного саркофага действительно происходило

нечто необычное. Внутренняя подсветка камеры внезапно потускнела и сменилась с желтой на красную.

Николай, который на некоторое время потерял сознание, в этот момент вновь пришел в себя. Открыв глаза, он увидел лишь клубящийся багровый сумрак да несколько датчиков, которые раскачивались на коротких проводах среди вихрей пробуждающего газа.

Он понял, что произошло, когда в уши вместо монотонного шелеста внутренних насосов ударил тревожный высокочастотный сигнал.

Своими неуклюжими попытками привлечь чье-либо внимание он добился лишь того, что оборвал прикрепленные к телу датчики, отчего система автоматического поддержания жизни подняла тревогу.

Это могло закончиться по-разному. Либо кто-то придет, чтобы выяснить

причину сбоя, либо автоматика сама справится с неполадкой, либо камера просто отключится спустя некоторое время...

Внезапно сквозь противный писк зуммера тревоги послышалось отчетливое шипение, и красноватая мгла, обволакивавшая его тело, начала стремительно редеть.

Николай, который окончательно пришел в сознание, но по-прежнему был беспомощен, как новорожденный младенец, почувствовал, что дышать стало легче — газ улетучивался, и причиной тому был открывающийся колпак его криогенной ячейки!

Красный свет внезапно потух. Зуммер сдавленно пискнул и замолк, в то время как прозрачная крышка, поддерживаемая двумя телескопическими штангами, поднялась вверх и отъехала в сторону,

скрывшись за изголовьем.

Теперь уже ничто не отделяло восковое тело человека, покрытое мелкими капельками влаги, от внешнего мира. Он по-прежнему лежал неподвижно, сотрясаясь от мучительного, засевшего в каждой клеточке организма холода...

«Странно, что не слышно окриков», — отстраненно подумал Николай. Он все еще не воспринимал реальность в полном объеме — сознание оставалось рыхлым, мысли были непоследовательны, а ощущения безнадежно запаздывали.

И все-таки после долгой паузы, лежа в полнейшей тишине, которая уже начала давить на него, сквозь дурноту и озноб он опять ощутил тревогу и страх — два чувства, что бессильно бились где-то внутри, пытаясь достучаться до заторможенного

сознания...

...Мутант, затаившийся в метре от открывшегося саркофага, вытянул шею. Над пультом управления, словно перископы подводной лодки, поднялись два горящих голодным огнем глаза.

Внезапно тело человека несколько раз конвульсивно дернулось, словно сквозь него пропустили разряд электрического тока, а затем усеченный цилиндр криогенной камеры приподнялся и повернулся, аккуратно вывалив человека на пол.

Это сработала последняя автоматическая система. Выстрелив в шею Николая двумя зонд-инъекторами со стимулирующим раствором, криогенная камера отправила свое содержимое на пол. Все огни на ее контрольных панелях потухли, встроенные насосы издали последний

вздох и остановились...

...Через несколько минут Николай, содрогаясь от холода, сумел подняться на четвереньки. Он чувствовал себя настолько мерзко, был так слаб, изможден и напуган, что, заметив два разнесенных в стороны глаза, торчащие из-за пульта управления, принял их за плод своего воображения.

А что он мог еще подумать?

Он только что очнулся от низкотемпературного сна и был подвержен всем пакостным постэффектам этого противоестественного для человеческого организма состояния. Пусть эти глаза и выглядели вполне натурально, как и вцепившаяся в пульт трехпалая конечность, но все равно это был лишь отвратительный глюк, порождение пробуждающего газа и стимулирующих инъекций, которые,

заставив работать заторможенный мозг, могли нарисовать в воображении и не такую пакость...

Опираясь на край криогенной камеры, Николай поднялся, обвел мутным взглядом огромное сумеречное помещение и, цепляясь за пульты, медленно пошел по проходу в направлении двери.

Вслед ему смотрели два глаза, в которых голод был смешан с отвращением. Как ни странно, но мутант не кинулся на добычу. Существо, которое, пошатываясь, брело прочь от перевернувшейся набок низкотемпературной ячейки, слишком отвратительно воняло. Жизнь в отравленных радиоактивных болотах научила его не есть подозрительно пахнущую еду. Он видел, как от такой еды умирали в диких корчах и судорогах некоторые неосторожные

сородичи, и его частично атрофированный мозг хранил в себе этот опыт чужих мук и смертей.

И все же он очень хотел есть...

Дождавшись, пока голый человек дойдет до конца прохода и скроется за дверями подсобного помещения, тот, кого Николай счел галлюцинацией, вышел из своего убежища и последовал в том же направлении...

* * *

В подсобке, куда попал Николай, было еще холоднее, чем в криогенном зале.

Обливаясь липким холодным потом, он вцепился в пластиковый косяк, пытаясь совладать с бунтующим желудком. Через некоторое время, когда тошнота стала не столь острой, он огляделся.

Помещение, куда он попал, имело панорамное окно, за которым в крошечной тьме падали неправдоподобно большие, чуть голубоватые хлопья снега. Вдали не светился ни один огонь — ночь за стенами здания была черна, и лишь у самого стекла огромные снежинки выскакивали из мрака, словно рой фантастических насекомых, и, медленно кружа, уплывали вниз, в бездонную черноту...

Николай рухнул в кресло.

Холод и страх грызли его изнутри. Осмотрев помещение, которое оказалось обыкновенной караулкой, он наконец заметил царящий вокруг беспорядок.

На скошенной панели охранных систем стояла сиротливая чашка с кофе. Кто-то второпях задел ее, и по мертвым окошкам индикаторов

растеклась высохшая коричневая
клякса. На полу ровным слоем
рассыпались диски компьютерной
памяти, небрежно выброшенные из
распахнутого сейфа. Пирамида для
личного оружия была пуста. Зато
встроенные шкафы, где охранники
хранили личные вещи, пестрели кучами
вываленной на пол одежды.
Создавалось ощущение, что тут не так
давно царила настоящая паника.

Николай сполз с кресла. Стоять на
ногах все еще было выше его сил.
Преодолев два метра, он протянул руку,
вырвав из кучи одежды и личных
вещей большое махровое полотенце из
синтетической ткани. Стиснув зубы, он
кое-как стер с себя остатки
желеобразной массы из криогенной
камеры и, все еще содрогаясь от
холода, начал натягивать чью-то
теплую одежду.

Копаясь в вещах, он нашел плоскую фляжку, внутри которой что-то булькало. Отвинтив пробку, он поднес ее к лицу. В нос ударил резкий запах спиртного, от которого желудок едва не вывернуло наизнанку. Николай судорожно закашлялся, потом, плотно закрыв глаза и стараясь не дышать, поднес ко рту горлышко фляги и сделал несколько глотков.

Язык и небо моментально онемели, горячий ком застрял где-то в горле, вызвав удушливый спазм. Из глаз Николая брызнули слезы, он едва не захлебнулся, но обжигающее тепло уже провалилось в желудок, и он обессиленно затих, отдавшись этому блаженному ощущению...

Как ни странно, но спустя некоторое время он ощутил прилив сил.

Цепляясь за кресло, Николай поднялся на ноги и нетвердой походкой

пересек караульное помещение, из которого вела вторая дверь.

Распахнув ее, он издал нечленораздельный звук и застыл на пороге.

Хмель, если он и был, моментально вылетел из его головы.

Сразу за порогом лежал обезображенный труп в униформе охранника тюрьмы. Мертвые пальцы все еще сжимали пластиковый приклад импульсной винтовки. Строчка рваных дыр перечеркивала грудь наискосок, от левого плеча к животу.

Содрогаясь от ужаса, Николай поднял глаза и едва не попятился. Он многое видел на своем веку, но сумрак широкого коридора открыл перед ним страшную картину бушевавшей тут бойни... Стены и потолок были забрызганы кровью, двери сорваны с петель, пластиковая облицовка,

посеченная ураганным огнем, сразу навела его на мысль о людях, которые, поддавшись панике, вливались в теснину коридора, давя друг друга, пока кто-то не спустил курок...

В глубине коридора, где тусклые плафоны сливались в сплошную желтую линию, тонко подвывал ветер. Там кружился снег, наметая у выбитой двери большой сугроб.

Избыток адреналина в крови сработал лучше всяких стимуляторов. Холод мгновенно отпустил — наоборот, Николаю вдруг стало жарко. Кровь гулками горячими толчками ритмично ломилась в виски, так что у него зашумело в ушах...

Николай нагнулся и вырвал из окоченевших пальцев импульсную винтовку. Он понял: где бы он ни оказался по прихоти злой судьбы и тюремных чиновников, тут случилось

что-то страшное и у него нет времени ни на реабилитацию, ни на какие-либо чувства.

Его ладонь машинально высвободила пустой магазин, и он звонко клацнул, ударившись об пол возле трупа. Нашарив рукой подсумок, фон Риттер по весу определил полный и скупым движением вогнал его на место. Счетчик зарядов мягко осветился, показав зеленые цифры. С тихим шелестом сработал интегральный затвор, и умное оружие тихо пискнуло.

Николай перешагнул через труп.

Его продолжал бить озноб, но теперь его причиной был уже не холод — что-то страшное ждало его впереди, за черным квадратом выбитой двери.